

Когда читаю о танковых сражениях в годы Великой Отечественной войны, нет-нет, да и вспомню впечатление, которое произвели на меня два экспоната музея военной техники подмосковной Кубинки. Это теперь подразделение парка «Патриот». Один — отечественный танк Т-34. Другой — небезызвестный фашистский «тигр». В кино, в других музеях не раз видел их по отдельности. Впечатление, конечно, производят. Но не то, которое получаешь, если стоят рядом. Т-34 поджар, динамичен, весь устремлен вперед. «Тигр» обезоруживает мощью закованного в сталь монстра, угрюмого и грозного. Кажется, что наша машина — беззащитный стриж, а нацистский монстр — бульдог. Одной лапой раздавит. А ведь бивали его и не раз. Бивали и танкисты-мужчины, о чем все знают, и танкисты-женщины, что мало кому известно. Об одной из них — этот очерк.

НЕ ДЕВЧОНКА — ВОИН!

Ради интриги не буду называть ее полные данные. Пока. Она для нас Женя, Евгения, Евгения Сергеевна.

Родилась Женя в 1921 году в отнюдь не рядовой семье. Но вскоре не стало матери. Новоявленная мамаша относилась к падчерице прохладно, а после того как в 1934 году не стало и

Евгения Кострикова

отца, махнула на тринадцатилетнюю сироту рукой. Училась девочка в школе-интернате при одном из детских домов, организованных для детей войны из Испании. Поступила в Московское высшее техническое училище имени Баумана, но получить диплом не удалось — грянула война. Вывод очевиден: у Жени, сироты, не было детства. Не было у нее и звонкой, мирной юности. Евгения ушла на фронт добровольцем, окончив трехмесячные курсы медсестер. Не обошлись без нее ни битва под Москвой, ни Сталинградская битва.

Вы скажете, что Евгения Сергеевна — не исключение. За годы Великой Отечественной войны было подготовлено полмиллиона сандружинниц, треть миллиона медсестер, более ста семидесяти тысяч врачей. Многим из них тоже пришлось испытывать судьбу и себя в битвах под Москвой и в Сталинграде. Что ж, спорить не буду. Она — равная среди равных.

Упомяну лишь, что после Сталинграда была Курская дуга, а еще конкретнее — Прохоровское танковое сражение. Теперь обращаюсь к книге полковника в отставке Леонида Гирша «Семиречье — взгляд сквозь годы». Дело было под Прохоровкой. Младший лейтенант спешил на машине со срочным донесением на командный пункт. На большой скорости машина перевернулась. Офицер, оказавшийся на земле, к счастью, отделался только ушибами. Цитирую:

«Ко мне подбежала невысокая стройная женщина, туго подпоясанная офицерским кожаным ремнем. Военфельдшер, как можно было понять по знакам различия. Строгие серые глаза, казалось, кричали о помощи.

— Товарищ младший лейтенант, откуда?

Я объяснил.

— Слушай, вода у тебя есть?

— Есть.

— Поделись, и побыстрее. Все, что было, раздали раненым. Вот отправляю.

Никаких машин больше нет, а раненых много, есть такие тяжелые — срочно оперировать надо.

Я слушал с сочувствием, пока водитель вытащил канистру с водой и передал подошедшим санитарам.

— Евгения Сергеевна, военфельдшер 54-го танкового полка, — усмехнувшись тому, что наконец-то решилась представиться, сказала моя собеседница. Мы пожали друг другу руки, а я продолжал думать, чем еще можно помочь.

— Да вот у нас бинты есть, сухари, тушенка...

— Спасибо, дорогой, — сердечно и просто сказала Евгения Сергеевна. — Бинты, конечно, возьму, а тушенку и сухари оставьте себе. Не до того сейчас моим раненым. Будешь проезжать по тылам бригады, загляни в медсанбат, передай капитану, пусть пошлет хотя бы две-три бортовых машины. Объясни ему получше, где я нахожусь. Ну, счастливо, братское спасибо! Может, еще увидимся...»

Просьбу военфельдшера автор выполнил в точности. Но на обратном пути не застал Евгению Сергеевну. Ее тяжело ранило осколком снаряда. Храброго военфельдшера отправили в полевой госпиталь. Однако они еще не раз встречались на военных дорогах. Там, на Курской дуге, Евгения Сергеевна спасла жизнь двадцати семи танкистам. Некоторых выносила из горящих машин. Награждена орденом Красной Звезды.

Опять слышу скептический голос. Мол, были герои-медики и поярче. Кто-то приведет в пример Героя Советского Союза Зинаиду Александровну Самсонову, которая только при взятии плацдарма на правом берегу Днепра вынесла с поля боя более тридцати раненых и переправила их на другой берег реки. Когда в 1944 году у деревни Холм, что в Белоруссии, погиб командир подразделения, она взяла командование на себя и подняла бойцов в атаку. Это был ее последний бой.

Кто-то вспомнит Героя Советского Союза санинструктора Зинаиду Ивановну Маресьеву. На ее счету — десятки спасенных бойцов и командиров. 1 августа 1943 года вместе с десантом она высадилась на правый берег Северского Донца. За два кровопролитных дня оказала помощь более шестидесяти раненым, успев переправить их на левый берег реки. Перевязывая очередного бойца, Зинаида Ивановна вдруг услышала приглушенный крик — упал сраженный пулей командир. Бросилась к нему и, заметив, что в раненого целится фашист, прикрыла командира собой.

Довод существенный, но не решающий. Автор этих строк не утверждает, что Евгения Сергеевна «выше» всех героев. Автор подчеркивает, что она — в их числе.

Помотавшуюся по госпиталям старшего лейтенанта Евгению Сергеевну в декабре 1943 года направили в оперативный отдел 5-го гвардейского механизированного корпуса. Но штабная работа ей претила, и она решила стать танкистом. Нашей героине, естественно, отказывали, в шутку и всерьез заявляя, что броня и девушки несовместимы. Обратилась к маршалу Советского Союза Ворошилову. Помогло. Евгения с отличием окончила ускоренный курс Казанского танкового училища, вернувшись в свой 5-й гвардейский механизированный корпус в качестве командира танка Т-34.

СОСТЯЗАЛИСЬ С КОРОЛЕВОЙ

Как видим, Евгения Сергеевна — натура в своем роде исключительная. Чувствую, однако, что и тут вы со мной не вполне согласны. Женщин среди танкистов было действительно немного — и двух десятков не наберется. Но в героизме, мужестве им не откажешь. Вы можете вспомнить нашу соотечественницу Александру Митрофановну Ращупкину, к королевским кровям не имевшую никакого отношения, и заявить, что в ней есть кое-что общее с королевой Великобритании Елизаветой II, потому что та тоже принимала участие во Второй мировой войне. Ну да, если иметь в виду только этот факт, то общее действительно есть. Биографы утверждают, будто восемнадцатилетней Елизавете потребовалось много настойчивости, чтобы в феврале 1945 ее включили в состав «Вспомогательной территориальной службы» — так назывались женские отряды самообороны. Здесь Елизавета в течение нескольких месяцев прошла подготовку в качестве механика-водителя санитарного автомобиля, получив лейтенантское звание.

Александра Митрофановна Ращупкина тоже принимала участие во Второй мировой войне. Лучше и точнее сказать — в Великой Отечественной. И не несколько месяцев, а более трех лет. Заметим, что Александра старше королевы на 13 лет. Она родилась в Узбекистане, обзавелась семьей и работала на тракторе. То есть выбор делала не девчонка с романтическими представлениями о фронтовых буднях, а вполне зрелая женщина, хорошо понимающая, куда и зачем идет. Выбор был нужен не для биографии, как королеве, а для внутреннего самоутверждения.

Выбор пал на танковые войска. Во-первых, танкистом ушел на фронт муж. Во-вторых, профессия механизатора позволяла быстрее освоить премудрости военного искусства. Увы, в местном военкомате настойчивость Александры не только

но оценили, но посчитали даже лучшей: мыслимое ли дело — женщина-танкист? Но Александра не сдавалась. Вдохновил пример «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой, которая в 1806 году поступила на военную службу под мужским именем и заставила не одного наполеоновского солдатика на себе испытать, что такое русское оружие и русский дух.

Александра тоже пошла на хитрость. Надев мужскую одежду и коротко подстригшись, девушка явилась в военкомат, назвалась Александром Ращупкиным и попросилась на фронт. Шел 1942 год. Немцы трубили о взятии одного крупного города за другим. Военкоматы работали в авральном режиме. Проверить паспорт никому и в голову не пришло. Так Александра Ращупкина (она же Александр Ращупкин) оказалась в Подмосковье, где окончила курсы шоферов, а позднее — в Сталинграде: здесь в течение нескольких месяцев овладевала премудростями механика-водителя танка. Врач, осматривая новобранцев, отличия Александра Ращупкина от Александры Ращупкиной, конечно, увидел, но докладывать о «подлоге» по инстанциям не стал: уж больно дерзким, воистину мужским было поведение Александры. Решил: победа все спишет. Главное — победить!

Девушка сражалась с фашистами в составе 62-й армии Василия Чуйкова. Никто даже не представлять не мог, что одним из Т-34 управляет представительница слабого пола. Отважного механика-водителя называли просто — Сашка-сорванец. У Александры действительно была мальчишеская фигура: узкие бедра, широкие плечи, маленькая грудь, короткая стрижка. Да и некогда однополчанам было рассматривать, кто как сложен и кто как выглядит. Они заметили лишь, что Сашка-сорванец отличался стеснительностью, предпочитая личной гигиеной заниматься, что называется, без свидетелей. Подтрунивали:

— Ты, Сань, как девка!

— Мы не бабы, мы за баб! — отшучивалась она, изменяя тембр голоса.

Так и шла Александра с боями от Сталинграда до Польши. Ее тайна была раскрыта только в феврале 1945 года. В городе Бунцлау (сегодня Болеславец) танк Александры Ращупкиной попал в засаду и был подбит. Машина загорелась. Механика-водителя контузило и тяжело ранило в бедро. Один из сослуживцев увидел, что он лежит на земле в неестественной позе. Подобравшись к механику, закричал: «Саш, ты ранен?» Но тот смотрел на сослуживца остекленевшими глазами и ничего не говорил.

Когда перевязывал раненому бедро, сослуживец все понял. Многие он повидал на фронте, но чтобы механиком-водителем машины была девушка, такого даже представить не мог. Танкист перевязал однополчанку, передал ее санитарам и долго не мог прийти в себя.

Пока Александра лечилась, в полку мог разгореться скандал по поводу ее, как сейчас сказали бы, гендерной принадлежности, но за отважную женщину-танкиста вступился генерал Василий Чуйков. Александру оставили в составе полка, переоформив документы на женское имя.

После войны Александра Митрофановна «воссоединилась» с мужем, который несколько раз был ранен на фронте. 28 лет супруги прожили в Самаре. Ушла Александра Митрофановна из жизни в 2010 году поистине в королевском — 97 лет! — возрасте.

Мне рассказывали, что в Интернете находили информацию, будто Елизавета II, узнав о кончине Александры Ращупкиной, даже всплакнула. Так ли это, нет ли — утверждать не берусь. Но, когда вдумываешься в биографию Александры Митрофановны, чувствуешь, как предательски подкатывает ком к горлу.

Ах, женщина, да тебе бы детей рожать да пироги печь, а ты пол-Европы на танке под чужим именем пропахала. Королева!

МАРЕСЬЕВ В ТАНКОВЫХ ВОЙСКАХ

Это же чувство возникает, когда вспоминаю о Марии Ивановне Лагуновой. Чтобы стать танкистом, ей пришлось писать письмо самому Всесоюзному старосте — Калинин. Правда, к тому времени Мария Лагунова, родившаяся в Курганской области в многодетной семье и поработавшая на производстве, уже хлебнула фронтового лиха. После окончания военной автотракторной школы служила в батальоне аэродромного обслуживания на Волховском фронте, была контужена, затем попала в запасной полк, где ее определили в киномеханики. В феврале 1943 года в полк приехал военный представитель с Урала для отбора военнослужащих на курсы танкистов. К просьбе Марии отнесся снисходительно. Мол, женщин в танки, как и на военные корабли, не берут — плохая примета. Вот тогда-то и пришлось Марии писать письмо Калинин, и только поэтому среди 700 мужчин, будущих танкистов, приехавших в марте в город Нижний Тагил, оказалась одна девушка.

Программа курсов была рассчитана на четыре месяца, но надвигалась Курская дуга. Уже в июне лучшим курсантам предложили сдавать экзамены досрочно. Лагунова настояла, чтобы ее включили в число выпускников. Когда танкисты прибыли на фронт и вошли в состав 56-й гвардейской танковой бригады, командование, узнав, что механиком-водителем одной из машин является девушка, отнеслось к этому как к недоразумению. Прочитирую воспоминания бывшего командира бригады полковника в отставке Мельника.

«...Шел 1943 год. Бригада готовилась к боям на Курской дуге. Для пополнения к нам прибыли с Урала маршевые роты. Я, как комбриг, делал смотр вновь прибывшим экипажам боевых машин.

Подхожу к одному из экипажей. Докладывают:

— Командир танка лейтенант Чумаков, механик-водитель сержант Лагунова.

Я поправил:

— Не Лагунова, а Лагунов.

Командир танка говорит:

— Товарищ комбриг, это девушка, Лагунова Мария Ивановна.

Я был крайне удивлен, что механиком-водителем боевого танка оказалась девушка. Мне приходилось видеть на фронте женщин, которые хорошо справлялись с тяжелой фронтовой службой медсестер, врачей, связистов, снайперов, летчиков и с другими военными профессиями. Но механика-водителя, да еще прославленной “тридцатьчетверки”, никогда не видел. История еще не знала примера, чтобы девушка вела танк в бой. В первый момент я был сильно озадачен и не знал, как поступить с Лагуновой.

В то время я был глубоко убежден, что быть танкистом — не женское дело. Механик-водитель должен обладать большой физической силой — ведь для того, чтобы управлять рычагами танка, требуется большое мускульное напряжение. Надо уметь в любую погоду и при любой погоде на марше и в бою вести танк. Летом в жаркую погоду температура в танке достигает 40-50 градусов, а в бою при интенсивном ведении огня скапливаются пороховые газы — все это затрудняет действия экипажа. Кроме того, экипаж танка, особенно механик-водитель, испытывает в бою большое психическое напряжение, когда противник ведет по танку артиллерийский огонь. Требуется железная воля, выдержка, хладнокровие.

Все это и заставило меня подумать о том, чтобы перевести Лагунову в

меня опасное место. Предложил ей побыть в резерве, посмотреть, привыкнуть в боевых условиях, а потом, мол, получите танк и поведете его в бой с врагом. Лагунова наотрез отказалась.

— Я приехала на фронт не для того, чтобы отсиживаться в тылу. Ее поддержали экипаж и офицеры подразделения. Пришлось смириться».

С Курской дуги до Киева механик-водитель Лагунова дошла благополучно, проведя 12 боевых атак и заставляя «кланяться» тех самых хваленых «тигров». Вскоре бригада получила приказ занять Дарницу, район Киева на левом берегу Днепра. Завязался тяжелый бой у населенного пункта Бровары. Экипаж первым ворвался на позиции фашистов. Немецкие пушкири кинулись врассыпную. Но, видимо, где-то рядом притаилась вторая пушка. Выстрел... Машину дернуло, мотор захлебнулся, и в нос ударила едкая гарь. Больше Мария ничего не помнила. Когда очнулась в полевом госпитале, узнала, что ампутированы обе ноги. На самолете ее доставили в Сумы, оттуда в Ульяновск, а затем в Омск. Здесь молодой хирург Валентина Борисова делала ей одну операцию за другой, стремясь спасти ноги, насколько это было возможно, чтобы потом смогла ходить на протезах.

Настойчивость и мастерство Борисовой помогли Лагуновой. Настал, настал таки день, когда она пошла без костылей. Шла под рыдания. Не свои — медсестер, врачей и нянечек. Весной 1944 года ее привезли в Москву, в Институт протезирования. Мария Ивановна училась ходить на протезах с тем же упорством, с каким когда-то училась водить танк. Ходила, как Маресьев. В день выхода из больницы за Марией приехал нарочный из полка с приказом явиться в часть для дальнейшего прохождения службы. Командование зачислило ее, как сверхсрочника, на должность телеграфистки. Когда-то, придя в полк, Лагунова наотрез отказывалась от любых поблажек, которые хотели сделать ей, как единственной девушке из числа курсантов. Теперь она так же категорически отказалась от всяких поблажек инвалида и прослужила в части почти четыре года.

В 1948 году Мария Лагунова демобилизовалась. Она встретила молодого человека, Кузьму Фирсова, знакомого еще по фронту и тоже инвалида войны — был ранен в голову и потерял левую руку. Пожились. Родился сын, которого назвали Николаем в честь погибшего брата Марии, затем второй сын, Василий — так звали убитого на войне брата Кузьмы Фирсова.

И опять в горле ком. Ах, женщина, ах, королева! Да тебе бы лучшие туфельки в мире, лучшие сапожки. Но не надеть — не на что.

Мария Васильевна Октябрьская родилась в Крыму в многодетной крестьянской семье, стала женой офицера, выйдя замуж за курсанта кавалерийской школы Илью Рядненко. При регистрации брака молодожены взяли фамилию Октябрьские. Мария окончила курсы медицинских сестер, научилась водить автомобиль. Она стреляла из винтовки и пулемета так, что ей вручили знак «Ворошиловский стрелок». Счастливых супругов разлучила война. Илья с первых дней оказался на фронте. Марию с сестрой эвакуировали в Сибирь. В конце лета 1941 года ее руки и душу обожгла похоронка: «Полковой комиссар 206-й стрелковой дивизии Илья Федотович Октябрьский пал смертью храбрых под Киевом 9 августа 1941 года».

Мария Васильевна решила, что теперь ее место на фронте. Но в военкомате это решение поддержки не нашло. И из-за возраста — Марии было почти 40 лет, и из-за перенесенной серьезной болезни. Тогда она придумала обходной «маневр». В те годы в стране целые семьи, коллективы направляли личные сбережения в фонд

обороны. Мария Васильевна, продав все, что можно было продать, и работая на износ, смогла скопить 50 тысяч рублей и направить их на строительство танка Т-34.

В телеграмме на имя И. Сталина написала: «В боях за Родину погиб мой муж — полковой комиссар Октябрьский Илья Федотович. За его смерть, за смерть всех советских людей, замученных фашистскими варварами, хочу отомстить фашистским собакам, для чего внесла в госбанк на построение танка все свои личные сбережения — 50 000 рублей. Танк прошу назвать «Боевая подруга» и направить меня на фронт в качестве водителя этого танка. Имею специальность шофера, отлично владею пулеметом, являюсь ворошиловским стрелком. Шлю Вам горячий привет и желаю здравствовать долгие, долгие годы на страх врагам и на славу нашей Родины».

Ответ был лаконичным. «Благодарю Вас, Мария Васильевна, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено. Примите мой привет. И. Сталин».

Октябрьская окончила Омское танковое училище, получив свидетельство механика-водителя. На Урале, прямо у заводского конвейера, ее «познакомили» с танком, на броне которого было выведено «Боевая подруга». Экипаж был зачислен в состав 26-й гвардейской танковой бригады 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, действовавшего в то время на Смоленском направлении. Не раз он попадал в жестокие передраги и выходил из них достойно. У деревни Новое Село Лиозненского района Витебской области 18 ноября 1943 года танк «Боевая подруга» уничтожил противотанковую пушку и около 30 немецких солдат и офицеров. Машина была подбита. Несмотря на ранение, Октябрьская двое суток провела в осажденном танке, пока его не эвакуировали.

В середине января 1944 года у станции Крынки Витебской области танк в очередной раз был подбит. Под огнем противника Мария начала было устранять повреждения, но осколок разорвавшейся поблизости мины вонзился в голову. Спасти отважного механика-водителя врачам не удалось. Гвардии сержанту Октябрьской посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Ее навечно зачислили в списки воинской части. «Боевая подруга» шла на Берлин. Вместо выбывшей из строя машины приходила новая, но экипаж давал ей прежнее имя. Победа застала «Боевую подругу» — уже четвертую — в Кенигсберге.

ОДНА НА ВСЮ РОССИЮ

Можно было бы вспомнить и других женщин-танкистов поименно — есть за что. Так почему же лично мне непременно хочется выделить именно пока читателю неизвестную выпускницу Казанского танкового училища Евгению Сергеевну?

Может быть, потому, что и автор этих строк сам учился в Казани и бывал в этом военном заведении. Может быть, потому, что сражалась Евгения Сергеевна на моей малой родине — на Прохоровском танковом поле. Возможно, потому, что наша героиня, единственная из всех женщин, командовала боевым танковым взводом, а в конце войны — танковой ротой. Танки Евгении Сергеевны вели бои в Моравии и в Верхней Силезии, форсировали Одер и Нейсе, «погостили» на окраине Берлина. Но брать столицу фашистской Германии не довелось: роту направили «наводить порядок» в Праге. Здесь в звании капитана и завершила боевой путь двадцатичетырехлетняя «командирша» роты.

Сознательно не перечисляю наград, которых удостоена Евгения Сергеевна. Нетрудно заметить — было за что. А вот время раскрыть перед вами, читатель, еще одну карту, думаю, настало. Дело в том, что фамилия у Евгении Сергеевны Кострикова. Да, да, вы верно подумали: она — родная дочь известного партийного деятеля Кирова, подлинная фамилия которого Костриков. Женя, конечно, могла прикрыться фамилией отца и отсидеться в теплом Ташкенте или Самарканде. Могла, но пошла туда, куда и не каждый мужчина решится. Евгения Сергеевна — лично мой кумир. Не удивлюсь, если у вас другой кумир из названных и неназванных женщин-танкистов, женщин-медсестер, снайперов, летчиц. В стране героев, одолевшей фашистов, на побегушках у которых была вся Европа, есть из кого выбирать. Гордимся, что мы родственники по крови не с какой-то там королевой, а с ними, нашими Женями и Мариями, Александрями и Зинаидами... Они и сейчас живут в наших сердцах, с достоинством и степенностью истинных королев идут с нами — в будущее!

